

Гутиеррес Таня

Без памяти

16+

Татьяна Гутиеррес

Без памяти

«Автор»

2013

Гутиеррес Т. П.

Без памяти / Т. П. Гутиеррес — «Автор», 2013

Когда Варя – очаровательная толстушка-мечтательница – попадает в авиакатастрофу и просыпается в теле красавицы-аргентинки, ее привычный мир рушится, и она отчаянно пытается его вернуть, встречая безумных людей в своей новой жизни. И теперь ее мало что удивляет: куст, ветка которого открывает калитку, корова, живущая в доме, мистическая шкатулка и люди, знающие о том, что с ней случилось больше, чем она сама. В поисках себя Варя находит любовь, но как можно полюбить кого-то, если тебя нет?

© Гутиеррес Т. П., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава пятая	21
Глава шестая	23
Глава седьмая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна Гутиеррес

Без памяти

Глава первая.

Уважаемые пассажиры! Наш самолет начинает снижение, и приблизительно через двадцать минут мы прибудем в город Мадрид. Погода там неплохая, десять градусов по Цельсию. Пассажирам стыковочных рейсов до Рио де Жанейро и Буэнос Айреса для получения дополнительной информации, просьба обратиться к персоналу.

Варя сидела в самолете и от волнения у нее узлом скручивало живот. Еще 20 минут и она в Мадриде! Мадрид, Барселона, Сеговия! Ее переполняло возбуждение, словно ей развязали руки, и она вот-вот сможет почесать давно зудящую ладонь. Варя едва не забила кулаками по воздуху, но сделала глубокий вдох, чтобы скрыть детское нетерпение от других пассажиров.

С ранних лет она была неравнодушна к Испании, к ее вспыльчивым гражданам, и, собственно говоря, к испанской речи. С ранних лет – это примерно с момента выхода на экраны первых мексиканских сериалов. Как только Варя поняла, что жизнь может быть другой, чуть более насыщенной, чем у ее родителей, спокойных и уравновешанных законопослушных граждан, встающих в семь и ложащихся в десять, то твердо решила – жить она будет среди людей, способных на страстные проявления чувств. Она умоляла маму перевести ее из простой школы в школу с углубленным изучением испанского и английского языков. И только благодаря ей, и собственному упорству в безудержном желании приблизиться хоть на шаг к заветной мечте, к тридцати годам она вполне сносно могла общаться и даже думать на языке Сервантеса. Лежа в своей комнате, предвкушая предстоящую поездку, Варя невольно шептала «buenos noches, mi amor», и представляла себе смуглого, со смольно-черными волосами, эмоционального, горячего мачо, томно смотрящего на ее аппетитные формы и отвечающего ей хриплым голосом. Небольшой домик где-нибудь на южном побережье, на открытой кухне которого они готовят паэлью, пьют вино и залиристо смеются над шутками друзей. Он обещающе хлопает по ее внушительному заду, и восхищается тем, что ее есть за что ухватить.

Как же она ждала эту поездку! С того самого момента, как ей дали льготную путевку – и куда?! – в Мадрид! Город ее мечты! Если бы не директор интерната для детей с отставанием в развитии, Вера Васильевна, ей бы никогда не видать музея Прадо, главной площади с резиденцией короля, медведя, обгладывающего клубничное эээ...дерево. Но не надо быть такими пристрастными к испанцам – они любят все преувеличивать. Хотя, согласно стостраничному путеводителю по Мадриду, клубничное дерево все-таки существует, но где-то в Северной Америке.

На крупном лице Вари невольно расплзлась улыбка.

Видимо, она правильно сделала, отказавшись от более высокооплачиваемой работы дизайнера – оформителя. Хотя, кого она обманывает? Она просто боялась ответственности. И с детьми ей было спокойно и хорошо. Ей никогда не приходилось волноваться по дороге на работу. Ее не ждали дедлайны и недовольные клиенты...

Нет, опять она обманывает. Дело не в этом. Она бы привыкла и к давлению, и к ответственности. Дело было в детях, оставить которых она не могла, не имела права бросить их, как бросили их собственные родители, потому что сами они «никак не могли» воспитывать больных детей. Да, она даже не воспитатель для них, как часто напоминала ей мама, чем почему-то обижала Варю. Но предать тех, кто души в ней не чаял, посмотреть им в глаза и сказать, что она

уходит, потому что в другом месте ей за три минуты будут платить столько же, сколько и здесь, с ними, за месяц – она не могла. Да и начальница была самым ангелом во плоти. Вера Васильевна обажала своих воспитанников, несмотря на то, что с ними порой было очень не просто. Она не сюсюкала перед ними, но чутко уделяла внимание всем. Никогда не запиралась в своем кабинете, чтобы там спокойно попить кофе и размеренно решать поступающие проблемы.

Если Вера Васильевна сидела за компьютером, то ее дверь всегда была открыта. Практически все свое время она проводила с детками, всегда была рядом. И знала каждого ребенка на столько, чтобы предугадывать его мысли и желания. Именно такие увлеченные люди с огромными сердцами и должны работать с брошенными, да и к тому же больными ребятами. Среди воспитанников были и дети с синдромом Дауна и с ДЦП разной тяжести. Знакомые Вари и ее родители не понимали, как она могла работать с ними. А Варя все твердила, что ей нигде не бывает так хорошо, как среди них. От этих детей исходит невероятная энергетика, они все время в хорошем настроении, от них словно лучится любовь. Они никогда не назовут ее толстухой, как только за ней закроется дверь, никогда ничего обидного не скажут даже друг о друге. И они намного взрослее большинства взрослых из Вариного окружения.

Была еще девочка с аутизмом, Соня – с ней было не просто. По началу, когда Варя только начала работать, Соня молча сидела, мерно раскачиваясь, а затем уходила с занятий. Варя не пыталась ее остановить. Она боялась навязываться этим маленьким человечкам, боялась обидеть их, зная насколько уязвима их психика, и поэтому просто позволяла делать на занятиях все, что им придет в голову: вставать, прыгать, кричать – последнего было больше всего. Дети с отставанием в развитии рисовали не так, как обычные дети. У них свое видение цветов, форм и размеров. И это делало работу Вари чрезвычайно интересной. Словно ей позволяли приподнять завесу, за которую мало кому удавалось заглянуть. И ей всегда казалось, что это ей выпал шанс у них учиться, а не наоборот. Как ни странно, среди таких детей не редко обнаруживались по истине талантливые: настолько, что их чувству пропорции и технике передачи света мог позавидовать любой известный художник. Она даже ездила выставку в Тверь с тремя такими детьми. Были, конечно, достойные выставки рисунки и других детей, но в силу их возраста или диагноза, их она взять не смогла. Тринадцатилетний Валера, десятилетняя Катя и одиннадцатилетний Костя неделю ходили гордые за то, что их работы выбрали. Призы, которые они получили, их радовали, но как ни странно, для них не это было важно. Дети впервые ощутили на себе признание, почувствовали, что они что-то могут в этой жизни, что она для них не потеряна, что кто-то ими гордится. И все это благодаря стараниям Вари. Во многом это сыграло решающую роль в том, что ей дали путевку, и теперь Варя мысленно благодарила этих солнечных деток. Она любила их, как своих, переживала за них, как за себя.

Денег, конечно, эта работа не приносила. Ее скорее можно было назвать хобби. Но, живя с родителями, ей много и не надо было. Она отдавала маме свою часть на еду, но она не всегда и неохотно, только после того, как Варя настаивала, брала эти деньги. Весомую часть своей зарплаты Варя тратила на книги – без них она ни дня не могла просуществовать. А остальное по крохам откладывала в верхний ящик комода, делящего с ней комнату с самого ее рождения. И вот накопленная сумма пошла на покупку новенького по-девчачьи розового чемодана, и пары безразмерных платьев. Как и большинство людей нестандартного размера, Варя тепреть не могла ходить по магазинам. Ей все время зазало, будто она гуляет по музею, где все красиво и интересно, но ничего из этого приобрести она не могла. А если и находила что-нибудь элегантное размера XXL, то на ней оно неприменно смотрелось как на корове седло. Все выглядело нелепо, кроме объемных мешковатых платьев, которые можно было купить на рынке. В них она чувствовала себя, словно в коконе. И старалась быть как можно более незаметной. Никаких украшений, никакой – упаси Боже, – косметики. Ничто не выдавало ее половой принадлежности. Самое отчаянное, на что Варя решилась – покрасила волосы. Да и то, эксперимент, мягко говоря, не удался. Это стало понятно как только она вынула голову из ванны и

посмотрела в зеркало. Несколько белесых прядей – те, что она покрасила в первую очередь – красиво оттеняли ее большие берюзово-зеленые глаза (единственное в ее внешности, что не раздражало свою хозяйку). Остальные пряди отливали мультиколом: от сенно-желтого до пеговато-коричневого. Но Варя тогда решила, что сразу же не станет перекрашивать их, иначе совсем лысая поедит в Испанию. Все откладывала, откладывала, и в итоге так закрутилась, что совсем забыла о своих волосах. Или же привыкла к ним, и ей они уже не казались такими вульгарно-неприличными, как в первый день.

Ей, конечно, очень хотелось измениться. Она пересмотрела десяток телепередач, где из бесформенных дам с неопределенной внешностью делали вполне сносных, иногда даже симпатичных женщин. Но любая попытка Вари подобрать что-то подобное из одежды обычно заканчивалась слезами на ее подушке. Куда проще было взять книгу и перенестись в сказку про красивую жизнь красивых и успешных людей, время от времени возвращаясь в реальность, и переводя взгляд, полный отвращения к себе, на валуны – складки, которые находились там, где должна быть талия. И это волнение, сочувствие к себе заставляло Варю переживать. А от переживаний всегда хотелось чего-нибудь вкусенького, и Варя отправлялась в магазин, который так удачно был расположен на первом этаже ее дома. Да, книги были ее спасением. Книги и дети, среди которых она не чувствовала себя изгоем. Она была такой же, как они – с особенностями.

Но вот уже больше недели она ничего не ела – жила мыслями о жаркой и красочной Испании. Это давалось ей с трудом, но ощущение того, что она становилась с каждым днем меньше, прибавляло ей сил. Путеводитель по Мадриду, Сеговии и Барселоне, сады Гауди, побережье Бенидорма – вот что не давало ей сойти с ума. Усилие оказалось не безрезультатным, хотя Варя в это мало верила – к концу недели она стала легче на целых шесть килограмм. Для любой другой женщины это было бы настоящей победой, но для Вари потеря шести килограмм визуально оказалась мало заметной. Но сейчас для нее не это было важно. Еще чуть-чуть – и она в сказке!

Варя закрыла глаза, пытаясь представить насколько изменится ее жизнь уже через двадцать минут. Но ей почему-то не мечталось. Она поерзала на кресле в попытках вернуть приподнятое настроение, и улыбнулась соседке. Но вместо радужных картинок, ей виделись совсем другие: обломки самолета и репортеры, снимающие крупным планом чьи-то ботинки. Открытые чемоданы, рядом с обгоревшими трупами их хозяев... А виной тому жуткая турбулентность. Варя давно не летала, а посему ее охватывал ужас при каждом проседании самолета, и она начинала неистово молить Господа о спасении. Но как только зона тряски заканчивалась, заканчивали и молитвы, и Варя уже опять вместе со своим горячем парнем купалась в солнечных лучах. На 21 В, рядом со ней, сидела красотка из Аргентины. Ее длиннющие блестящие черные волосы были небрежно собраны в пучок. Кожа имела неповторимый бежевый цвет с отливом оливок, который Варя видела только в рекламе тонального крема. Огромные черные глаза не давали ей покоя, и она то и дело под разными предлогами бросала на них взгляд, а когда ловила его, то ей делалось четь-чуть неуютно от того, что такая красота сидит рядом с ней. Когда та встала, чтобы убрать свою куртку на багажную полку, короткий топ защитного цвета задрался, обнажив ее плоский живот. Тоненькая золотая цепочка скатилась вниз с узкой загорелой талии на бедра, обтянутые джинсами. Варя уставилась на нее, словно та была с другой планеты. Девушка летела транзитом в Буэнос-Айрес. А Варя это знала, потому что досаждала ей своими расспросами в целях хотя бы немного попрактиковать свой испанский, и под этим предлогом еще раз, на полных правах, взглянуть на нее. Нет, Варя не была любительницей девушек, она мечтала об испанце. Но, имея художественное образование, не могла равнодушно относиться к красивым лицам.

Флор встала, не для того, чтобы убрать ничем не мешающую ей кофту в отсек для багажа, а для того, чтобы хоть на секунду перевести дух. То, что русские люди могут быть бестактными и попросту навязчивыми, она узнала за два месяца проживания и работы в этой странной и

удивительной стране – России. Но ее соседка по креслу переходила все границы. Она нагло рассматривала ее и постоянно расспрашивала о вещах, о которых Флор не хотела говорить. Она вообще не хотела говорить ни о чем. Вот уже два года, с тех пор, как умерла женщина, которую она называла своей мамой, ее ничто не интересует. Она осталась одна, со своей жизнью, которую она самовольно ограничила до пределов работы и дома. Благотворительная организация, которой Мелисса завещала свой дом, связалась с Флор и сообщила о том, что при перепланировке дома была обнаружена какая-то шкатулка, и что они решили справедливым эту шкатулку передать ей, Флор. И тут в голове Флоренс начали всплывать упрятанные в далекие уголки памяти разговоры Мелиссы о шкатулке. Она бы не придала этому значения, если бы голос стареющей женщины не менялся, и она сама не акцентировала на том, чтобы Флор никогда не поддавалась соблазну поведать шкатулке свои желания. Она рассказывала Флоренс, как та изменила ее жизнь. Если бы Флор тогда знала, о чем говорит ее тетка, то непременно расспросила бы ее обо всем. Но дело в том, что желания надо уметь загадывать – к такому выводу она пришла, открыв шкатулку и узнав, чего хотела от жизни Мелисса. В памяти вдруг раздался ее голос – такой знакомый, он звучал так реально, что Флор стало не по себе. На глазах выступили слезы, а на кончиках пальцев закололо, словно тысячи мелких раскаленных иголок впивались в нее.

«Я пыталась все исправить, изменить. Выкинуть свои дурацкие желания из нее. Но Ли, ее предыдущий владелец, оказался прав – ее открыть невозможно. Он отдал мне ее еще при жизни, не хотел, чтобы она попала в плохие руки, сказал использовать с умом, и не просить ничего для себя. Но я – обычный человек. И мне не чужды соблазны. Он предупредил, что она откроется для нового человека только после смерти старого хозяина. Мне тогда было смешно. Но китайцы – они любят верить в мистические истории. Видимо, и мои желания увидят люди только после моей смерти. Потому что после похорон Ли я долго держала шкатулку в руках, а когда поставила ее на стол, она чуть приоткрылась. То, что загалал мой давний друг, я не буду говорить из уважения к нему. А то, что загадала я – из стыда». Все эти годы Флор думала, что шкатулка – плод воображения Мелиссы. Но, видимо, шкатулка в самом деле существовала, а если это так, то она дорога ей как память о самом близком человеке. Она попросила немедленно отправить ее авиапочтой, и уже на второй день держала в руках предмет, так долго вызывавший ее интерес в подростковом возрасте – возрасте, когда человек еще способен верить в чудеса. От размышлений ее отвлек голос капитана, сообщивший о том, что они скоро прибудут в аэропорт Мадрида. Флор подумала, что на свете есть один человек, знакомый с тайнами вселенной, который не рассмеется, услышав в шкатулке. Но, видит Бог, он был последним человеком, с которым ей хотелось общаться. И все же Флор открыла свою записную книжку и быстро написала

Позвонить Алехандро!

Нет, звонить нельзя. Надо приехать без предупреждения – решила Флор и вопреки тому, что никогда не записывала личные мысли в записную книжку, избобилующую идеями по работе, подумала, что если эта мысль будет на бумаге, она придаст ей сил и решимости приехать к нему.

Приехать без предупреждения. Только он знает, что делать!

Самолет начал снижение и у Варвары заложило уши. Машина дала большой крен при заходе на посадку, и пассажиры дружно ахнули. Они летели почти на боку. На мгновение в салоне стало тихо, настолько тихо, что пролети мимо них сейчас птица, они улышались бы шелест ее крыльев. Но эта тишина нарушилась, как только из потолка посыпались кислородные маски. Сердце девушки бешено заколотилось, предвидя близкий конец. Она затаила дыхание. Огненный шар волнения застрял чуть ниже горла. За окном мелькали верхушки деревьев, крыши автомобилей.

«Господи, спаси и сохрани...»

Господи, спаси и сохрани...» – мысленно молилась она и осеняла себя крестом.

Варе казалось, спасись она сейчас, вся ее жизнь изменится. Все будет по-другому. В лице смерти отношение ко многим вещам менялось за секунды.

Красотка повернулась к ней и взяла ее за руку. Она не понимала Вариных слов, но они вряд ли нуждались в переводе.

– Успокойся, все в порядке. Мы сейчас сядем, – дрожащим голосом она уверяла скорее себя, чем Варю. Она хотела улыбнуться, но не нашла в себе сил. Страх сковывал ее тело также, как и всех остальных, за исключением лысого мужчины с 23А, который в проводил эти страшные минуты, стоявшие многим седых волос, в счастливом забытие сладкого сна.

Флор словно знала, что столь хрупкую вещь, как шкатулку нельзя везти в обычном багаже, и еще вчера отправила ее почтой, где при ней наклеили знак, предупреждающий об осторожном обращении с посылкой.

Самолет уже не просто ахал и охал, а дружно орал. Руки у аргентинки, несмотря на внешнее спокойствие, были влажные и немного тряслись. А возможно, это все от чрезмерной худобы.

Вдруг раздался мощный хлопок, их здорово потрянуло, затем подкинуло, и Варя решила, что они, слава небесам, сели.

Но это было правдой только отчасти.

Скрежет металла и жар от огня говорили о том, что посадка прошла не по плану. Все вокруг было словно взято из малобюджетного фильма-катастрофы. Очаги огня тут и там, зияющие дыры физиоляжа, обезумевшие пассажиры, пытающиеся отстегнуть ремни. И качающиеся маски, которые в мертвецком оцепинении одевать никто не стал...

Но они выжили. Не зря Варя так отчаянно молилась! Красотка все еще держала ее руку и находилась в недвижимом состоянии.

– Надо выбирать, давай к аварийному выходу, – произнесла Варя на внезапно чистом испанском. Варя вообще, когда волнуется, проявляет необычайные способности.

Аргентинка кивнула, и они стали пробираться сквозь хаос, дым и разбросанные пакеты из дьюти-фри. До аварийного выхода было всего два ряда. Но Варе казалось, что они ползли километр. Дышать было нечем, и она натянула кофту себе на голову, оставив небольшую дырку для глаз. На ее пухлое тело, перетянутое бюстгалтером на размер меньше – так она казалась стройнее – то и дело кто-то наступал, кто-то падал, но она, ничего не замечая, словно танк на поле боя, ползла вперед. Ее лицо пинали ботинки, толкали руки, но она – солдат, видящий перед собой цель – ползла и ползла. Позади нее, заслоненная большим телом-танком, истошно воя и задыхаясь, пробивалась вперед красотка.

Аварийный выход уже был открыт. Вокруг люди кричали словно звери, загнанные в западню. Безысходность, невозможность повлиять на события, превращали менеджеров, бизнесменов и учителей в варваров, заставляя расталкивать и чуть не убивать рядом стоящих. Едва Варя ухитрилась пролезть к надувному трапу и сесть, как заметила, что около нее что-то пролетело. Куски металла все еще катились по взлетно-посадочной полосе, сопровождаемые диким скрежетом и жаром самого ада. Аргентинка что-то кричала ей, но она ее не слышала из-за гула и шума, охватившего останки самолета. Словно раненый зверь, машина стонала от боли. Варя повернула голову в сторону хвоста, который остался метров за триста от них, и тут почувствовала сильный удар в грудь. Ее отбросило обратно в самолет, на кишашую толпу испуганных людей-приматов. Последнее, что она увидела перед тем, как огромное темное пятно засосало ее – это невероятные черные глаза аргентинки. Они были напуганы, в них читался ужас, и отражалась Варя... С огромным темным куском металла, торчащем из ее тела.

Глава вторая

– О, открыла глаза, красотка! – Мужчина в синем одеянии убрал нашатырь от Вариного носа и ослепительно улыбнулся.

– Я не умерла? – спросила Варя сначала на русском, а потом, заметив изумленное лицо людей в халатах, на испанском.

– Ээээ. По-моему нет.

Да уж, не так она представляла себе свой первый разговор с испанцем. Но сейчас ей наплевать на все. Она здесь, она жива. Жива! Но какое-то странное чувство, съедающее Варю изнутри, не давало ей покоя.

– А руки-ноги на месте? Мне ничего не отрезало? – Несмотря на, мягко говоря, нестандартную ситуацию, Варя обратила внимание, что ее испанский звучит просто идеально.

– Проверить? – спросил фельдшер и снова улыбнулся.

Но водитель «скорой» встрял в разговор:

– Тебе повезло. Жуть как повезло. Сейчас на другой машине увозили девушку, у нее огромный кусок металла торчал вот от сюда до сюда, – Он показал на себе сначала на уровне пупка, а потом на уровне груди. Вот ей не повезло. – Водитель замолчал.

– Мда... Но тебе повезло, – весело сказал фельдшер.

Варю всегда удивляли медицинские работники. С какой легкостью они говорят об отрезанных руках-ногах. Это часть их повседневной жизни. Юмор у них, мягко говоря, своеобразный.

Для достоверности Варя пошевелила пальцами ног и потрогала свой живот. Он показался ей вдруг стройнее.

Вроде все целое.

Кусок металла... Он не давал ей покоя. Этот странный сон, где ее откидывает в салон со страшной силой...

Варя потеряла лицо, пытаясь избавиться от наваждения.

– Ты, похоже, отключилась, от волнения. Но молодец, до аварийного выхода не все добрались.

– Прекращай, Фернандо, – рявкнул водитель.

– Что? Девушка выжила. Я хочу ей настроение поднять.

– Ей надо отдохнуть.

Варе еще никто никогда специально не поднимал настроение. Ее настроения вообще мало кто замечал.

Оставшиеся пять минут они ехали в полной тишине. Рев сирен говорил о том, что она не единственная, следующая по маршруту аэропорт-больница.

Да уж. Сейчас она должна была проходить паспортный контроль. А потом поехать в гостиницу около центральной плазы. Туда-то она и намеревалась прогуляться уже этим вечером.

– Если вы себя хорошо чувствуете, к вам зайдут задать несколько вопросов. Заполнить анкеты, документы и т.д. Вы также имеете право получить психологическую помощь.

– Да не надо. Я в порядке. Все хорошо. – Только вот голос звучит как-то непонятно. Странно как-то. И ощущение какое-то не то.

– Я только обязан заполнить ваше имя. Что, впрочем, я уже сделал. Вот. – Он протянул Варе паспорт.

– Это не мой, – Варя отодвинула обратно синий документ. – Мой должен быть красный. Я русская. – Хохотнула она.

– Э... Ты что-то путаешь, красотка. – Фельдшер бросил мельком взгляд на водителя. Варя уже видела такие взгляды в магазинах в торговых центрах, когда просила принести одежду ее размера. – Это твой, аргентинский паспорт. Синенький. Флоренс Басетти. Вот, фотография твоя. – Мужик испуганно открыл паспорт и оглянулся на водителя.

И тут Варя залилась гоготом.

– Я? Я? Что, серьезно? Тут, видимо, темно сильно. Ты посмотри на это, – Варя обвила рукой свой фейс, – и на это, – ткнула в паспорт. – Разве не видишь, какая там красотка? Это, кстати, моя соседка была. Она в порядке?

– Фельдшер снова взглянул через окошко в зеркало заднего вида, чтобы поймать взгляд водителя.

– Ничего, ничего, успокойся. Все в порядке. И, правда, надо отдохнуть. Такое пережить. А ты молодец, ни истерики, ни крика.

– Да я, правда, в порядке. И успокоилась я уже давно. – Варя помолчала, вспоминая недавние события. Ведь кто-то погиб. Кто-то никогда не вернется домой, навсегда оставшись в этом проклятом самолете. – Варвара. Садковская. Варя я. Русская, если не поняли.

Мужики совсем притихли. Фернандо принялся измерять Варю давление. А ей было все равно. Что их так напугало? Она быстро скинула одеяло, которым ее заботливо накрыли, в надежде дать уют и спокойствие. Мол, все окей. Все закончилось.

– Что-то не так... – Ее вдруг всю затрясло. – Где моя одежда, почему я странно одета так? Кто меня вообще передел? О, Господи, я ничего не понимаю... – Варя начала было кричать, но ей тут же всадили какой-то укол, погрузив в сон. Словно бешенную собаку заловили.

Варя медленно открыла глаза, и обвела взглядом больничную палату. Все красиво и аккуратно. Около нее стоял врач и что-то писал, нахмутив лохматые брови, точь-в-точь как у Леонида Ильича.

Врач представился, но Варя тут же забыла его имя.

– Мне надо позвонить. Маме с папой. Они волнуются, наверное.

– Не беспокойся, мы им уже сообщили.

– Спасибо.

Варя и правда немного успокоилась, хотя, как и прежде, мало что понимала. В голове была путаница, и острое ощущение чего-то плохого.

– Что они сказали? Родители? Кто с ними говорил? Они ведь ни по-испански, ни по-английски не говорят.

– У нас здесь целый штаб психологов, которые работают с родственниками, сообщая им радостные и печальные новости.

Варя сняла резинку с волос, обдумывая свой следующий вопрос. И замерла. В полном и абсолютном ужасе. В таком только просыпаются ночью с сильным сердцебиением и влажными ладонями, и не могут потом заснуть как минимум до утра, вспоминая и прокручивая снова и снова детали кошмара. На лице Вари моментально выступил пот. Это были не ее волосы. Ее волосы средненькой длины, и такого тускло – пегого цвета. Вернее, трех цветов: очень красивого пшеничного, потом сенно-желтого, и чуть буроватого. Она резко ногами сдернула одеяло и стеклянным взглядом уставилась на изнуренное худощавое тело, облаченное в больничную сорочку. Живот не заграждал вид на ноги, а впадал так, что по бокам торчали косточки. И ноги – не пухлые которкие дудочки, а длинные и стройные, переходящие в аккуратные ступни с ярко-бордовым, идеальным маникюром.

Варя закрыла глаза и, положив ладонь на готовое выскочить из груди сердце, снова открыла их.

Дрожащей рукой она еще раз провела по волосам. Они были гладкими, длинными. Слишком длинными. И черными... Неужели... Неужели она была в коме так долго. Это объясняет

истощение. Боже, наверное, ее вид был столь удручающим, что ей покрасили волосы? Они, наверное практикуют это в европейских больницах. Варя сглотнула ком и приготовилась услышать кошмарные новости.

– Какой...какой год сейчас? Какое число? – Сколько прекрасных лет своей жизни она потеряла?

Врач оторвался от своих записей, и взглянул на нее сквозь лохматые брови.

– В смысле, ты не знаешь?

– Ответьте!

– 2012, 18 Ноября. В чем дело? Ложись, лучше. Ты пережила настоящий кошмар. Но мы провели несколько тестов, и, кажется, ты даже царапин не получила.

– Я не понимаю... Что, правда? Я не была в коме? – Задыхаясь произнесла Варя. – Дайте мне зеркало... Быстро дай мне зеркало! – Если врач с ней не церимонился и называл на «ты», то она тоже не станет. Ее всегда удивляло это в испанском языке. Слово «вы» у них существует, но пользуются они им в крайне редких случаях. Хотя сейчас ей было не до грамматики.

– Да не волнуйся ты о своей внешности. Великолепно выглядишь. Ни царапинки. Просто удивительно. Вечно вы женщины, даже из горящего самолета должны выходить как из салона красоты. – Врач по-видимому, думал, что сострил. Или, он, что? – флиртует с ней?

– Где я? – Варя не переставала удивляться насколько естественно звучал ее испанский. Вот что значит погрузиться в среду. Правда, некоторые звуки она произносила не так, как привыкла. Не было межзубного «с», а двойная «л» звучала как «ш», но звучала естественно, выходя даже в словах, которые, как Варя раньше казалось, она не знала. И ее это удручало, хоть и в меньшей степени, чем внезапно изменившаяся внешность.

– В городской больнице Мадрида, Ля Паз. Флоренс, тебя что-то беспокоит? – Врач снова нахмурил брови, и, несмотря на странность ситуации, ей захотелось расхохотаться в голос.

– Флоренс? Да Боже ж ты мой? Какая я Флоренс? И что с моими чертовыми волосами? Что с моей одеждой? Сколько я тут провалялась? И кто сошел с ума – я или вы?

– Успокойся. Это нормально. Ты пережила сильнейший стресс. Но поверь, выглядишь действительно потрясающе. Великолепно. И волосы тоже. Длинные, красивые, черные волосы. А провела ты тут где-то около двух часов, – он глянул себе на запястье, и добавил: – с половиной.

– В том-то и дело. Они черные. Не пегие.

– Э...ну, вернешься, сделаешь прическу, какую пожелаешь. Такое бывает – после сильнейшего стресса люди обычно хотят что-то поменять. Это только на пользу. У меня же есть несколько вопросов. Стандартная процедура.

Варя издала страшный стон. Неужели он не слышит, что она говорит...

– Но если хочешь отдохнуть, я зайду позже.

Врач быстренько свернул свои бумажки и направился к выходу.

– Я, пожалуй, пришлю психолога. И сделаем КТ на всякий случай. Я могу предположить травму головы. Хотя, не похоже. Тошноты нет, сознание ты не теряла. Несмотря на то, что на твоих глазах страшной смертью гибли люди. – Он почесал затылок и вяло произнес: – Флоренс, я к тебе зайду через пару часов. И если все в порядке, мы держать тебя не будем здесь. Надо будет еще поговорить с представительством авиакомпании, они запишут данные. Что-то по поводу компенсаций, – врач говорил невнятно, и постоянно заикался, явно смущенный вопросами Вари.

Он, судя по всему, решил, что она всего лишь капризная девка, не довольна своим видом после авиакатастрофы.

Врач открыл дверь, но Варя вскочила и перегородила проем.

– Зеркало. Мне нужно зеркало. Со мной что-то не так, – прошептала она. – Это совсем-совсем не я. – Варя с отвращением откинула длинные черные пряди, которые словно паучы

лапы липли к ней, заставляя все ее тело дрожать от ужаса. Она опустила взгляд на тонкие руки, украшенные золотыми кольцами, на изящные пальцы, так не похожие на ее коротенькие пальцы-сосиски. – Если бы ты меня видел, то понял бы. Я такая маленькая, чуть пухленькая, хотя раньше была совсем толстая. – Лицо врача застыло, и Варя отчаянно опустила руки и заплакала. – Вы не видели меня? Я жива? Что со мной? Где я... Может, я в коме, как в том фильме, а?

– Я... Я принесу зеркало. Но, правда, ты зря волнуешься по поводу внешности. Зря.

Через несколько минут врач вернулся с маленькой пудреницей, явно позаимствованной у одной из медсестер. Он протянул ее Варе и жестом предложил ей посмотреться.

Тонкой рукой Варя неуверенно открыла ее, и, едва поймав отражение, тут же потеряла сознание.

Глава третья

Еще никогда в жизни Варя так не жаждала увидеть свое круглое лицо с маленьким курносом носом, усыпанным мелкими веснушками. Но привычное отражение куда-то пропало, и вместо него из зеркала на нее смотрела совсем другая женщина. Та, что летела рядом с ней. Это была она – в этом Варя не сомневалась.

– Это не я, – устало в сотый раз сказала Варя мед сестре, которая несколько минут назад нашатырем привела ее в сознание. – Это не мое лицо, не мои волосы, не мое тело, понимаете? Я сошла с ума, это возможно? Может, у меня мозг поврежден. Давайте проверим? Врач говорил что-то по поводу КТ.

Медсестра уставилась на Варю, и только спустя несколько минут заговорила:

– Послушайте, у вас могла возникнуть проблема собственной идентификации. Возможно, вы отождествляете себя с кем-то, кто для вас очень важен? Дайте себе время, отдохните. И все придет в норму. Кстати, у меня отличные новости: ваш брат вылетел из Буэнос Айреса. – Она улыбнулась, в надежде увидеть облегчение на лице Вари. Но напрасно.

Варя издала протяжный стон.

– У меня нет брата. И если бы он был, то уж точно жил бы не в Буэнос Айресе. А где-нибудь в Балашихе. – Варя аж прихрюкнула от собственной шутки. Она сама не могла понять, как до сих пор не впала в шок от нелепой, странной, непостижимой уму ситуации, не могла понять, как ей удавалось шутить и сохранять относительную трезвость ума. Она была во сне, в пелене нереальности, но никак не могла проснуться.

– Я, пожалуй, попрошу наших психологов заглянуть к вам. К сожалению, они все заняты работой с родственниками погибших... Но кто-нибудь к вам зайдет уже в ближайшее время. – И она вышла с натянутой улыбкой. Варю даже показалось, что она сбежала, пока умалишенная не запустила в нее пультом от телевизора.

А Варя снова взяла зеркало и взглянула на уже знакомое, но абсолютно чужое лицо.

Идеальная кожа... Огромные бирюзово-зеленые глаза смотрели сами на себя... Зеленые? Варя была почти уверена, что красotka обладала черными глазами. Да, именно черными. Они так завораживали ее во время полета, что Варя пыталась лишней раз в них заглянуть. Помогав головой, отгоняя никчемные, бесполезные мысли, она провела ладонью по щеке. И ощутила собственное прикосновение. Ее передернуло от жуткого ощущения реальности происходящего. Неужели она сошла с ума... Какой дурной сон. И он никак не хочет заканчиваться.

– Привет, меня зовут Флоренс. – Ничего.

«Я Варя. И я не знаю, где я и что со мной. Но все встанет на свои места, как только я найду себя. Мы поговорим, и поймем, что случилось. Как в той книге...»

Медленно отворив дверь, Варя, словно вор, прошмыгнула в коридор и быстрым шагом направилась к стойке регистрации.

– Варвара Сладковская. Она в какой палате?

– А вы кто?

– Я ее родственница.

– Родственница? – толстая тетя в голубой медицинской шапочке уставилась на Варю и подняла брови.

– Да, я... Я жена ее брата.

Тетя пролистала какие-то бумажки, и, вытащив одну, снова уставилась на Варю.

«Ага!» – Варя радовалась про себя. – «Варвара Сладковская – не вымысел моего больного разума. Это я! Я есть... Я...»

– О, Господи, – женщина побелела и уставилась на Варю. – У меня очень плохие новости... Варвара не выжила. Простите...

– Нет. Это ошибка. Не может быть, – рассмеялась Варя. – Во всех фильмах, если дух ходит по земле в поисках собственного тела, значит, оно еще дышит. А я здесь! И мне нужно...

– Простите. Я не понимаю, о чем вы? Ваш муж может забрать тело, заполнив необходимые бумаги и предъявив документы. Мне очень жаль, – прошептала она. Похоже, она уже замучилась произносить эти слова за целый день. – К сожанию, я больше ничем не могу помочь...

– Где я? То есть... Где она? – Это явно был жуткий сон. Варю начало трясти, в голове у нее была только одна мысль: как бы проснуться? Как бы вернуться? Домой, в Москву, к друзьям, к потертому дивану со столиком, который отец сам смастерил. Сидеть перед телевизором и, уплетая бутерброды с вареньем, мечтать о том, чтобы увидеть Испанию. Как отмотать время назад?

– В морге. – Слова женщины словно гром среди ясного неба вернул ее обратно, в больницу. – При ней был паспорт, так что ее опознали сразу. – Варя вспомнила, как засунула паспорт в карман своего платья-чехла. Ее сердце сжималось от мысли о том, что она запутывается все больше и больше. Она не сошла с ума.

Она... Она умерла.

Женщина взглянула в бумаги в очередной раз.

– Кусок винта, – она сглотнула и внимательно посмотрела ей в глаза, словно пыталась понять, стоит продолжать или нет, – отлетев от развалившегося двигателя, поразил ее прямо в грудь. Смерть наступила моментально. Шансов выжить не было. Хотя, я не имею права высказывать свое мнение, но я не думаю, что она почувствовала что-либо... Мне очень жаль.

«Я не могу быть мертвой. Я бы знала. Точно знала бы. Меня бы здесь не было. О Боже, голова идет кругом. И это даже не моя голова!» – мысли жужжали, словно дикие пчелы, и из-за общего гула Варя не могла понять главного.

На ватных ногах она дошла до стенки и села прямо на пол, опустив голову на колени. Ее не может не быть. Она здесь, она все помнит. Ей надо найти себя. Полная решимости увидеть себя, Варя резко встала на ноги, и перед глазами снова все поплыло, а потом и потемнело.

Утром, в среду 18 ноября все телевизоры мира, не зависимо от того, на каком языке они говорили, доложили о главной новости: около аэропорта Мадрида потерпел крушение самолет авиакомпании Иберия. На борту А 330 было 216 человек, 8 из них погибли, 47 находятся в тяжелом состоянии, несколько человек, получивших психологическую травму остаются под присмотром врачей. В Мадрид продолжают прибывать родственники, им оказывается психологическая помощь, дежурят несколько бригад скорой помощи.

От главной новости пострадавшим некуда было деться: о ней говорили в коридорах больницы, по телевизору. Мысли о пережитом крутились в перевязанных головах, причиняя еще большую боль. Родственники пассажиров злополучного рейса наводнили задание, создавая гул из одних и тех же слов: пожар, аварийный выход, судьба... ужас. Говорили в основном они, пострадавшие молчали. К каждому пациенту заходил обученный специалист. Его задачей было пробудить людей к жизни. Сделать так, чтобы они не заикнулись на случившемся, а начали думать о будущем, осознали, что они ВЫЖИЛИ. Родственникам погибших же говорили о том, что они должны принять эту потерю, перестать ждать возвращения дочерей, мужей и детей из поездки. Они не вернуться. А вспомнили о том, что они сами продолжают жить, и что им необходимо думать о своих близких, которые сейчас рядом с ними. Задумались о том, что их ждет впереди, а не прокручивали в голове снова и снова то, что случилось утром в среду 18 ноября.

В день, когда Варя Сладковская погибла. Ее не стало. Не стало этого пухловатого тела с жидкими блондированными волосами. Варя уже никогда не коснется его с досадой на саму себя. Никогда не увидит до боли знакомой родинки на шее, никогда не натянет слитный купальник, который должен стройнить фигуру и вводить в заблуждение сильный пол. Купальник, который

остался в розовом чемодане на горящем рейсе. И никакой психолог не сможет починить ее поломанный мозг.

Девушка сидела на скамье в коридоре больницы. Находиться наедине с самой собой было невыносимо. Варя боялась смотреть в сторону палат, так как отражение на окошках пугало ее. Она боялась опустить взгляд на руки, которые приделаны к плечам, преходящим в шею, держащую чужую голову с ее мыслями. Она боялась идти к психологам, потому что прекрасно знала, что они скажут: посттравматический синдром, проблема идентификации... Она была одна. Наедине со своей невыносимой проблемой, решить которую ей никогда не удастся. И никто не поможет. Это конец, который по какой-то неведомой причине для нее мучительно растянулся. Нет, это не сон. Это то, что бывает после смерти. Это кошмар наяву.

В то время как ее сокурсницы гуляли по вечерам с мальчиками, Варя сидела дома и читала. Читала все подряд, глотала книги словно деликатесы, глотала книги вместе с деликатесами. И чем больше она их употребляла, тем больше хотелось. С раннего детства для нее лучше не найти было занятия, чем, густо намазав мягкий хлеб вареньем, открыть книгу и отправиться в ментальное путешествие по неизведанному. Она читала книги по психологии и научные статьи с той же увлеченностью, что и любовные романы. Читала на русском, на английском, и, конечно же, на испанском. Последние ей нравились больше всего. Они позволяли ее фантазии умчаться так высоко, что, даже закрыв книгу на последней странице, она продолжала жить ей. Мечтала и представляла себя главной героиней, отвечала ее фразами, жила ее проблемами.

Через два дня Варю выпишут из больницы, так как травмы головы не обнаружено, зато назначен курс восстановительной терапии. Счет за нее она, конечно же, может выставить авиакомпании. Врачи сочли ее ситуацию довольно странной, но не из ряда вон выходящей. Словно они каждый день слышат, что человек не в своем теле. Хотя, они единодушно решили, что это она не в своем уме. Задавали вопросы, на которые Варя не могла ответить. Она только и твердила: «Я Варвара Сладковская, выросла в Москве, выучилась там же». Но врачи считали, что Флоренсия увлекалась русским языком и русской литературой, поэтому после аварии ее подсознание вытеснило это увлечение на первый план. И что, похоже, в жизни Флоренс все было не так здорово, иначе ее разум не стал бы играть в такие игры. Рецепт – поехать домой, к семье, и разобраться со своей жизнью... А главное – радоваться, что ей выпал шанс это сделать.

Только вот врачи не сказали, где ее дом.

Варя резко встала со скамьи, в очередной раз удивившись насколько легко ей давались все движения. Подойдя к ресепшен, она обратилась к загорелой даме с идеально зачесанными в хвост волосами.

– Сеньора, где я могу взять свои вещи?

Если Вари Сладковской не существовало, не существовало и ее вещей. Огромный розовый чемодан не найдут, и тогда будет ясно, что она, Варя, плод ее фантазии и ей окажут помощь.

– Добрый день, мне доложили, что за всеми найденные вещами, в том числе чемоданами, необходимо обращаться в офис авиакомпании. Вы сможете их получить, если они, конечно же, уцелели, как только выпишитесь из больницы. Я попробую связаться с Иберией, чтобы сообщить об этом. Опишите свои вещи.

На секунду Варя засомневалась, стоит ли это делать, но потом решила, что лучше знать правду, чем строить нелепые предположения.

– У меня был с собой чемодан. Розовый. Средних размеров. На нем инициалы В.С. А еще сумка белая, в ней был планшет, я бы очень хотела его вернуть.

– Я сделаю все возможное, сеньорита. Могу еще чем-нибудь помочь?

– Да. Я могу позвонить родителям?

– Секунду, я должна уточнить у начальства, где вы это можете сделать. Мы пока не получили четких инструкций на этот счет.

Тут Варя впервые всерьез задумалась о родителях. Они, должно быть, с ума сходят от горя. Она представила лицо немолодой мамы, которая, держа в руках какую-нибудь из безразмерных кофт Вари безутешно плачет. У нее уже не хватает слез, и спазмы сводят горло. Отец, как всегда молчаливый, с каменным лицом наливает очередной стакан будь то водки или чая. Ему без разницы что пить. И водка сегодня, к сожалению, не поможет ему забыться, он не опьянеет, даже если выпьет целую бутылку. У них, скорее всего, включен телевизор на новостном канале, который крутит без устали один и тот же ролик. И родители смотрят его каждый раз, надеясь, что поступит опровержение или сообщат о чуде: девушка, ранее считавшаяся умершей, пришла в сознание и спрашивает про родителей.

На похороны, – о, Господи! – на похороны...наверное, придут несколько из бывших друзей. Те, кого принято называть старые знакомые. Они постоят, помолчат, испытывая огромное сожаление от бесполезности вариной жизни и жестокости ее смерти, их пару раз передернет от холода и жути, и, разойдясь по домам, вернуться к своим любимым женам, мужьям и детям. У них будет завтра. У них будет четверг. Даже у Флоренсии будет четверг. Но не у Варвары Сладковской.

– Вы можете воспользоваться телефоном в комнате ожидания – голос дамы за стойкой вернул Варины мысли обратно в больницу. Дама вытянула указательный палец в направлении зала. Ее глаза были полны сожаления, а голос – отчаяния.

Сделав несколько шагов на ватных ногах, Варя попала в довольно уютную комнату с несколько потертым диваном из искусственной кожи и небольшим кофейным столиком, на котором, собственно, и стоял аппарат.

Сколько хороших и плохих новостей слышал этот телефон за свою, судя по потертости, долгую жизнь!

Набрав знакомый до боли номер с московским индексом, она поднесла трубку к уху. Биение ее сердца перебивало телефонные гудки.

– Возьми же трубку, возьми. Это я! Я здесь, мы все еще можем поговорить.

Но телефон упрямо выдавал долгий зуммер.

Варя медленно опустила трубку и уже хотела положить ее на телефон, когда услышала уставшее и безжизненное:

– Алло...

–Папа? Папа, это я, – Варя говорила на русском, но совсем другим голосом. Голос, несмотря на звучность которого, она ненавидела. Она была готова отдать все за то, чтобы открыв рот, снова услышать свой чуть гнусавый несколько неженственный, но такой родной голос.

– Кто это? Вы ошиблись...

Варя не успела сказать и слова, как на другом конце провода положили трубку.

Еще одна попытка и опять – «вы ошиблись, пожалуйста, не звоните больше»...

«Они ни за что не поверят, только не мои родители. Да и кто поверит, кто поймет? Если я сама ничего не понимаю».

И Варя впервые за весь день позволила себе разрыдаться. Она плакала навзрыд, она кричала, била чужими загорелыми кулаками по столу. Она была одна на всем белом свете и никто – никто не мог помочь ей.

Глава четвертая

Варя открыла глаза. Острое ощущение чего-то плохого вновь нахлынуло на нее. Она потеряла глаза и тут же отвела руки в сторону. Первые мгновения она просто не могла понять, где находится – дома, или, может, на даче? Но спустя несколько секунд, она вспомнила, где она и по какой причине.

Нет... Это не навязчивый кошмар. Это хуже...

Это ад. Что, если ад выглядит именно так?

– Ну, наконец-то, – чей-то низкий голос, доносящийся из другого угла палаты заставил Варю резко сесть. – Ну и напугала ты нас, сестрица.

– Ты кто?

– Ладно, ладно, знаю, последний раз, когда мы с тобой виделись, я был сам не свой. Позволил себе лишнего. Но в свете последних событий, я, честно признаюсь, думал, ты забудешь об этом.

– О чем ты говоришь? Ты кто такой? – Варя натянула на себя одеяло, словно оно могло защитить ее от непрошенного гостя.

– Ты... Ты не знаешь, кто я такой?

– Нет, и уже пора бы сказать кто ты?

– Лео, твой брат... Флор, ты в своем уме? – Парень пожал плечами. – Может, ты ушиблась головой? Меня уверили, что ты только здорово напугалась, и что путаешь вещи. Но сейчас мне по-настоящему страшно за тебя.

– А они не сказали тебе, что я не Флор. И где твоя сестрица, я понятия не имею! – Варя прикусила нинюю губу. – Прости.

– Что-то я ничего не понимаю! Ты меня пугаешь! Что, правда, обиделась так, что даже сейчас не станешь разговаривать со мной?

– О, господи. Я понимаю, что это трудно воспринять. Но я уже задолбалась всем говорить, не Флор я. Варя я. – Тут Варя решила, что лучшим доказательством ее слов будет, если она заговорит на русском: – Варя я, Сладковская. И я умерла. И что делать теперь я не знаю. У меня отобрали жизнь, у меня отобрали все. Я понятия не имею, кто такая Флоренсия, кроме того, что она летела со мной. И каким чертовым образом я стала ей, не знает никто. Включая, похоже, того, что там, – она подняла палец вверх.

Молодой мужчина с легкой щетиной на лице и ясными огромными голубыми, но уставшими глазами, смотрел на нее, открыв рот. Его лицо побелело и даже загар не спас его.

– Какого черта? Это что за язык вообще? Польский? Венгерский?

– Господи, что за бестолковщина, – продолжала Варя на своем родном. Ей даже понравилась реакция Лео. Может так они поверят?

– Перестань, сейчас же перестань тараторить эту галиматью!

Наступил Варин черед застыть на месте. У мужчины был властный голос. Он встал и подошел к кровати, несмотря на протесты со стороны «больной».

– Послушай меня, сейчас мы выпишем тебя из больницы, заберем вещи, которые, как мне сказали на ресепшен, уже прибыли в больницу, и завтра же улетим домой.

– Я не могу. Мой дом в Москве, с моими родителями. Они с ума сходят, я знаю. Я должна поговорить с ними, они должны знать, что я не умерла, – Варя перешла обратно на понятный собеседнику испанский.

– Отлично, только вот твои родители живут в Буэнос-Айресе, и они уже знают радостные новости. Тебе повезло, сестренка, нам всем повезло. Меня врач предупредил, что ты несешь

чушь, – он нахмурил брови и стал пилить Варю взглядом, – но, черт побери, я и понятия не имел, что эта чушь на украинском.

– Русском, – не выдержала Варя. – Я поеду с тобой, только если завтра приду сюда поговорить со своими родителями. Они должны прилететь завтра за... за мной.

– На русском? – Лео рассмеялся. – Всего два месяца среди матрешек, и ты так быстро заговорила! Снимаю перед тобой шляпу, Флоренс. Я изменил свое мнение о твоих способностях, – Он снял невидимую шляпу с головы и слегка поклонился. – Ну, как скажешь, хочешь с кем-то встретиться завтра – твое дело, – Лео пожал плечами. – Самолет почти в одиннадцать вечера. Так что делай что хочешь.

Варя кивнула. Ей некуда было идти, а этот человек, несмотря на то, что он ей не верил, предлагал выход.

Спустя несколько минут ей принесли целую стопку бумаг, и объяснили куда обращаться за помощью и за компенсацией. Дали подписать бумаги об отказе от лечения. Махнув рукой, врач сказал, что никаких причин оставаться здесь не видит, и что Флор правильно делает, убегая от этого больничного ужаса.

В дверь вкатили тележку.

– Чемоданы изрядно пострадали, с них поотлетали этикетки, а некоторые даже сгорели, многие, конечно, уничтожены, и никогда не будут найдены. Поэтому мы отдаем вещи, согласно описанию самих пассажиров или их родственников. Это ваше?

Варя посмотрела на розовый чемодан, обугленный с одной стороны, но в целом, вполне сохранившийся, и к ее горлу подступил ком досады. Это все, что осталось от ее жизни. Это все. Она ничего не сделала, что будут помнить люди. Не родила детей, даже друзей не завела, которые бы переживали из-за ее смерти.

Каким-то образом все это время ей казалось, что она во сне, что вот-вот выглянет солнце и пробудит ее от этого кошмара. Все вокруг: люди, мебель, собственное отражение в зеркале – были не настоящие. Но как только она увидела знакомую вещь – чемодан, за который она заплатила половину своей зарплаты, и который стоял в ее комнате почти две недели, напоминая о предстоящем волшебном отпуске, о поездке ее мечты – все ее надежды растаяли. Это не сон, не эксперимент сумасшедших ученых, и, к сожалению, даже не виртуальная реальность. Это происходит на самом деле.

Едва заметно Варя кивнула и прижала ладони к глазам, пытаясь сохранить самообладание и не разреветься на глазах у незнакомых людей. Хотя, кому какое дело до нее? И какое ей дело до них?

– Это не мое, – произнесла она не своим голосом, кивнув на синюю кожаную сумочку с золотой застежкой и ремнем цвета морской волны, которая лежала рядом с чемоданом.

– Сеньорита, в сумочке ваши водительские права и блокнот, подписанный именем Флоренс Басетти.

Варя едва заметно пожала плечами.

Перед ее глазами мелькнуло воспоминание о том, как красотка доставала этот блокнот и что-то писала в нем быстрым и уверенным почерком.

– Счастливого пути, сеньорита Басетти. И еще раз, примите наши искренние извинения. – И человек, одетый в фирменную форму авиакомпании исчез за дверями.

– Ну, ты даешь, сестрица. Это что еще за чемодан? Он похож на зефир, – хохотнул Лео, и поднял единственную вещь, которая Варе казалась настоящей. – Что случилось с твоим Луи Витонном? Он больше не в моде?

– Из всего того, что я тебе сказала сегодня, именно это тебе кажется забавным? Отойди от него, – резче, чем хотела, сказала Варя, и тут же, чуть мягче добавила: – Пойдем поскорее отсюда. Я не хочу тут оставаться.

– Согласен. У меня от твоего помешательства мурашки по коже. Но, честное слово, еще никогда мне не было так весело с тобой.

Отель находился в центре Мадрида, куда они доехали очень быстро. Всю дорогу

Варя не отрывалась от окна. Вот она – жизнь, о которой она мечтала! Так близко, но дотянуться невозможно – она чувствовала ровным счетом столько же, сколько и при просмотре канала о путешествиях. Чужие жизни, чужие лица, чужие улицы. Внутри нее сидел скорпион, который жалил при малейшей попытке отвлечься от того сумасшествия, которое происходило с ней, с Варей Сладковской. Она не могла – не имела права думать о чем-то другом. Вот парадокс – был мир вокруг нее, а ее самой не было.

Выйдя из такси, Варя набрала полные легкие воздуха и шумно выдохнула. Погода уже была не жаркая, но достаточно теплая. Солнце высветило прямоугольник на витрине магазина, и вдруг Варя поняла – у нее есть шанс. Ей была дана возможность увидеть это солнце, дышать этим воздухом. А может, и сделать что-то стоящее.

Лео громко хлопнул багажником такси и постучал по нему, отпуская шофера. Затем прямоком направился к дверям отеля. Но Варя схватила его за руку.

– Я не уверена, что могу заплатить за отель. Все мои вещи... Моя сумка... Я... Я не знаю с чего мне начать, куда пойти...

– Это ты-то не можешь заплатить за отель? – Его красивое лицо исказилось в усмешке. – Поройся-ка у себя в сумочке, – он кивнул на кожаную сумку Флор. – Я уверен, там найдется парочка платиновых карточек. Да не делай такое лицо, я не заставляю тебя платить за отель. У тебя роскошный номер с джакузи и пополняемым запасом шампанского. Если сама не будешь – отдай мне. Мама с папой обо всем позаботились.

– Ты... Ты иди, отнеси чемодан, а я посижу внизу немного, хорошо. Кофе выпью...

– Так, теперь ты меня начинаешь пугать по-настоящему. Чего ты выпьешь? Чего?

– Э... кофе? А что?

– А то, что ты терпеть не можешь кофе, как и его запах. Ты обходишь кофейни по противоположной улице, лишь бы не чувствовать запах свежего американо. Черт побери, Флор, что с тобой сделали? Тебе надо к врачу. Нет, серьезно. Надо. Я понимаю, у нас семья вся такая, мягко говоря, со странностями, но ты – ты никогда не была такой.

– Лео, я уже тебе сказала, я не та, за кого ты меня принимаешь. Я не могу это объяснить, и, поверь, отдала бы все, чтобы хоть кто-то мне сказал что делать. Чтобы меня выпустили из этой ловушки, – слова Вари перешли на всхлипывания и крики отчаяния, и Лео отвел ее в сторону от входа в отель. – Я ничего не знаю ни о тебе, ни о твоей семье, ни о Флор Басетти. Но я могу тебе рассказать о Варе Сладковской.

– Что ж, это будет интересно, – Лео пожал плечами, словно слышал такую ересь каждый день, словно ему собирались рассказать сюжет популярного телесериала. – Но, думаю, мне понадобится что-то посильнее кофе. Знаю, знаю, – Он театрально вытянул вперед ладонь, – ты не пьешь, но все же, должен спросить, ты как, согласна?

– О, я с огромным удовольствием. И, кстати, я очень редко отказываюсь от выпивки, когда ее предлагает симпатичный мужчина, – произнесла Варя, улыбаясь сквозь слезы.

Глава пятая

Лео потер лицо ладонями, и в очередной раз смачно выругался.

– Такое придумать нельзя. Ты не бредишь. Ты... Ты... Ты говоришь по-русски. Я не верю, что за два месяца работы в Москве ты могла так хорошо выучить язык. В больнице я решил, что ты прикалываешься. Но это было бы уже слишком глупо для шутки. – Он усмехнулся. – Да и потом, ты никогда шутить не умела.

Варя молчала. На столе стояла пустая бутылка из-под шампанского, и она по привычке, поставила ее на пол.

– Плохая примета – пустая бутылка на столе. Хотя, куда уже хуже?

– Если ты – не Флор, то где Флор? – Он поднял на нее огромные голубые глаза, обрамленные черными ресницами. В них читалось недоумение и растерянность. Он сам поверить не мог, что задал этот глупый вопрос.

– Понятия не имею... Мне жаль. Что случилось с твоей сестрой – для меня такая же загадка, как и для тебя. Только вот ты пожмешь плечами, посмеешься, поломаешь голову, и забудешь. В конце концов, твоя сестра вот она, – Она провела рукой по безупречному телу. – А мне жить с этим.

– Слушай, может, тебе поспать надо. Может, ты уснешь, и проснешься нашей старой недоброй Флор? И все станет на свои места. Я слышал, что люди, которые пережили какую-то катастрофу или клиническую смерть, открывают в себе новые таланты. Есть мужик, так он после неудачной операции, в течение которой у него остановилось сердце, проснулся и заговорил на 120 языках, включая древние, никому не известные языки. Он, короче, сейчас может любые иероглифы прочесть. К нему археологи в очередь записываются.

– Я не знаю. Понимаю, ты бы хотел видеть Флор снова в здравом уме. Но я боюсь, что случится со мной? Многие люди надеются, что после смерти есть жизнь. А я уже начинаю думать, это ли не ад?

Лео выругался себе под нос, и откупорил еще одну бутылку.

Наутро, проснувшись, Варя с трудом подняла голову над подушкой. Все вокруг кружилось и водило хоровод. Голова гудела, словно медный таз, по которому ударили молотком. Во рту все пересохло, а тело было ватным. Неимоверными усилиями она опустила ноги, и ощутила под ними мягкий ковер, в котором ступни практически утопали, и медленно посмотрела по сторонам.

Мгновение. И еще мгновение. И головной боли как ни бывало – реальность, или, скорее, кошмар наяву, накрыл ее горячей волной. Эти руки, эти волосы, эта талия... Это все не ее. И она ими до сих пор пользуется. Девушка закричала что было сил. Ее трясло, ее знобило. Имеет ли она право на это? И, если Флор не умерла, то что с ее душой? Где она? Мысли крутились в голове у Вари, но сама она продолжала кричать, пока не упала на ковер и не начала всхлипывать. Она царапала на себе кожу, словно пыталась выбраться из нее. Но вдруг Варя остановилась. И поднялась на ноги. Подойдя к окну, она открыла его настежь. В гостиничный номер ворвался прохладный утренний мадридский воздух, неся с собой запах выпечки и сырости.

Вот оно – решение. Ей надо избавиться от этого тела. Она забралась на подоконник и взглянула вниз. Шаг, еще шаг...

Дверь смежного номера открылась, и в нее вбежал Лео в одних боксерах. Он схватил Варю и повалил на кровать.

– Эй, эй, ты чего?

– Чего я? А я – это кто? Где я? Что со мной? Почему я здесь? Помоги, помоги мне! – Она обеими руками обхватила его небритое лицо и безнадежно устала в него.

– Я закажу две чашки кофе. Пойдет?

– Я хотела выйти в окно. А ты мне помешал, и теперь предлагаешь кофе?

– Послушай, – Лео взял руки Вари и крепко сжал их. – Ты здесь, ты вот она. Разве остальное имеет значение? Я, похоже, потерял сестру. Не верю даже, что я это говорю, глядя на тебя. Знаешь, мы не очень-то ладили. Она всегда выбивалась из нашей семьи. Но, черт возьми, в тебе я ее не вижу. И глядя в твои глаза – тоже не вижу. Это не ее глаза. У нее были черные огромные глаза, которые не раз с упреком смотрели на меня. Но у тебя они другого цвета. Ты видела? Смотрела в зеркало?

– Я знаю. И боюсь. Мне страшно смотреться в зеркало, понимаешь? Я боюсь увидеть там не себя, я настолько растеряна, Лео. Куда мне бежать, к кому обращаться? Все решат, что я сошла с ума. Они упекут меня в психушку. А может, мне туда и надо? Может, и правда, я сошла с ума?

Ее огромные глаза с надеждой смотрели на Лео. Она как будто хотела, чтобы это было так. Тогда ее вылечат, и все станет на свои места.

– В этом случае, мне тоже надо лечиться. Потому что ты – не моя сестра. Флор никогда не выдумала бы такое. Флор никогда не сошла бы с ума. Это самый черствый, самый уравновешенный, притом самый разумный человек из всех, кого я когда-либо знал. Сожалею, но версия с переселением души мне кажется более правдивой.

– Серьезно? Похоже, тебе и впрямь не мешает сходить к доктору.

Варя засмеялась, вытирая слезы.

– Что мне делать, Лео? Я могу тебе доверять?

– Я не против... – Лео не отрывал взгляда от ее лица. Это была Флор и не Флор одновременно. Перед ним стояла незнакомая девушка, с которой случилась беда. Как бы там ни было – переселение душ это, или же помутнение разума, но его долг – помочь ей. – Послушай, я хочу тебя кое о чем попросить. Ты в таком состоянии не можешь вернуться к себе. Ты поедешь к родителям. И мне кажется, они не будут в восторге от идеи, что их дочь неизвестно где. Мама будет переживать, она верит во все подряд, включая папу Ноэля. Даже глазом не моргнет, когда ты расскажешь эту историю. А у нее больное сердце. Я тебя умоляю, подыграй, скажи, что потеряла память. Или что не хочешь разговаривать с ними. Они не заметят. Флор не очень-то общительна, и правду говоря, никто из нас ее хорошо не знает. В пятнадцать лет она уехала учиться в Мадрид, потом устроилась на работу, а два месяца назад ее отправили на крупный рекламный проект в Москву. Так что с тех пор мы ее видим только на Рождество. А тут она позвонила и сказала, что возвращается в Аргентину. Обещала все рассказать, когда прилетит. Но, видимо, мы не узнаем в чем дело.

– Мне жаль. Я не хотела. Я не специально.

Лео поднял брови. Специально? И расхохотался заразительным басом. Варя тоже улыбнулась.

– Знаешь, пойдём в кафе пить кофе.

– Отличная идея, сестренка... То есть... Извини. Я... Мне не просто это дается. Но я постараюсь.

– Да я понимаю. Все понимаю.

– А улыбка у тебя тоже другая. Полная жизни.

– Да уж. Сказал. Я умерла, забыл что-ли? Полная жизни...

Глава шестая

Спустя час Варя и Лео были в больнице. Возле морга сидело много людей, у всех были опущены головы. Кто-то плакал, кто-то уже не мог. Некоторые обнимали и успокаивали родных, другие просто сидели в ступоре и ждали когда же закончится этот кошмар. Варя заглядывала в лица, желая отыскать своих родителей. Но их нигде не было. Неужели они не прилетели? Побоялись? На коленях перед кем-то сидела девушка в белом халате – видимо врач, и гладила по руке, говоря какие-то слова. Расслышать их было невозможно из-за общего стога. Место было мрачнее ада. И Варе захотелось выбежать на улицу. Глотнуть свежего воздуха, поверить, что она все еще живет. Снова притвориться, что все это не имеет никакого отношения к ней. Что не ее там оплакивали, не ее конец. Но надо было найти родителей, сказать им, что она здесь, с ними. Она знала, что мама обязательно придумает что-нибудь. Она найдет решение. Ей любая Варина проблема по зубам. Она обыщет весь мир, перевернет его с головы на ноги – но сделает так, чтобы Варя снова стала самой собой.

Тут ее толкнули и по-русски прошептали извинения. Родной знакомый голос. Осипший от слез и волнения. Обернувшись, она увидела знакомое до боли пальто. Зеленое – в цвет глаз, с меховым воротником, который уже изрядно потрепался за десяток лет.

– Господи, мама! – зарыдала она, ненавидя свой новый голос. Варя обняла мать, но та злобно отпихнув, отстранилась от нее.

– Извините, вы ошиблись... – сказала она, и уголки ее рта опустились. Лицо ее было опухшим и постаревшим на много лет. Обычно идеально уложенные волосы торчали во все стороны, напоминая всем по какому поводу она здесь. Черный платок на шее делал ее истерзанное страданиями лицо почти серым. И Варе захотелось сорвать его.

– Мама, это я, Варя. Ты не поверишь. Но это я, пожалуйста, не отходи. Не делай этого. Не убегай. Мама, это Я!!!! Куда же ты?

– Уберите ее от меня, – застонала женщина. – Уберите. Она издевается надо мной! Пожалуйста... – Из ее горла вылетали не то крики, не то лай. Словно кто-то проводил обряд экзорцизма.

Кто-то подошел к охране и, показав пальцем на Варю что-то сказал.

– Сеньорита? Я попрошу вас покинуть это помещение. Здесь людям и так плохо. Сеньора не желает с вами общаться.

– А? Нет же, это моя мама!

– Сеньорита! Не смейте!

Охранник схватил Варю за рукав.

– Если вы приблизитесь к этой женщине, я буду вынужден принять меры. В конце концов, уважайте чужое горе.

Варя обхватила голову руками и села на пол. Это было не чужое горе. Это ей было плохо, ей было хуже всех в этом пропахшем смертью и слезами месте.

– В пятнадцать лет я обрезала твое платье, чтобы пойти на дискотеку, – отчаянно выкрикнула она. В семнадцать поступила в на художественный, хотя ты хотела, чтобы я стала врачом! Женщина наклонила голову и сделала несколько шагов в сторону Вари.

Неужели она поверила? Неужели! Ну, конечно же, она узнала ее. Ведь – она мама. А мама всегда знает.

Но лицо матери оставалось неподвижным.

– Как вы смеете? Моя дочь мертва! Я только что ее видела. Вы хоть представляете себе, что это такое – смотреть на свою девочку, всю изуродованную, с огромной раной? Ее губы синие, и они уже никогда не назовут меня мамой. Я не знаю, что моя дочь вам рассказала, и

зачем вам все это нужно, но это поганая, низкая шутка. И не смейте – слышите! – не смейте ко мне подходить!

– Мамочка, родненькая, послушай меня, это я. Я не знаю, как это случилось... Но это я, мама...

– Сеньор, – она обратилась к охраннику на страшно ломаном английском. – Уберите от меня ту сумасшедшую, пожалуйста.

– Не надо, – Варя вытянула руку, – Я сама уйду. Я все понимаю. Я бы тоже не поверила. Я буду скучать. Папа не приехал, да? Не смог, как всегда...

Варя развернулась и вышла в холл, где ее ждал Лео.

– Видела?

– Видела. Она не признала меня. Лео, мне так хочется ей помочь, успокоить ее. Ведь на самом деле ничего страшного со мной не случилось – я жива. Понимаешь, я жива, а она этого не знает! – Заплакав, она крепко обняла мужчину, который был единственной ее опорой в этот момент. – Она предала меня, не узнала. Она бросила меня. Не хочет слушать, не хочет верить... Как ей не подсказала интуиция? Я думала, она как увидит меня, все сама поймет. Но, видимо, любовь матери не безгранична...

– Флор, – Лео аккуратно поднял ее подбородок, заставляя взглянуть ему в глаза. – Нам надо улетать. Ты придешь в себя, может, разберешься со всем. А потом попробуешь с ними связаться. Когда все успокоятся. А сейчас это слишком для них, поверь.

– Варя, зови меня Варя, пожалуйста. Имя – это все, что у меня осталось. Она сказала, что у меня огромная рана. – Губы Вари затряслись и она уткнулась носом в рубашку Лео. – Как я могу ее оставить, Лео? Как? Ей же так тяжело сейчас. И отца рядом нет. Почему он не приехал?

Лео махнул слезу с щеки Вари.

– Поехали. Тебе еще немало предстоит. Ну и вляпалась ты, сестричка.

– А я всегда хотела иметь брата, – сквозь слезы произнесла Варя.

– Да? А Флор никогда. А ты знаешь, что у тебя еще сестра есть? Правда, я не уверен, что именно о таком брате и о такой сестре ты мечтала...

Глава седьмая

– Боишься? – спросил Лео, пристегивая ремень безопасности. После такого я бы, наверное, не сел в самолет.

– Знаешь, наоборот. Раньше боялась. А теперь мне терять нечего... Я, может, наоборот, желаю, чтобы мы разбились, и я, наконец, стала свободной.

– Ну уж, спасибо. Поосторожнее с желаниями. Тут живые люди сидят. Чур меня, чур, – перекрестился Лео.

– Понимаешь? Это не мое тело, не моя жизнь. И ты не мой брат. Я ничего не знаю о тебе. Что я вообще делаю, сидя рядом с тобой?

– А у тебя есть варианты? Если бы ты еще хоть раз подошла к своей матери, то тебя бы арестовали. Паспорт у тебя аргентинский. Ни жилья здесь, ни, извини уж, других родственников, у тебя нет. – Лео поднял брови со знанием дела. – И вообще, раз уж ты здесь, значит так надо. Мне кажется, это лучше, чем тебя бы не было совсем.

– А как же Флоренс? Твоя сестра?

– Я не знаю. Раз твое тело в морге, как ты утверждаешь... – Он участливо посмотрел на нее. – Извини... То она вряд ли там... Надеюсь, что она тоже где-то, все еще продолжает существование, как и ты.

Лео отвернулся и устроился поудобнее в кресле.

Варю резко передернуло. Она ощутила озноб на коже. Нигде нет. И родному брату все равно. Это даже ужаснее, чем то, что случилось с ней.

Варя опустила глаза и поправила на себе платье – единственное, что подошло ей из розового чемодана. Флоренс была размера на четыре меньше, и сантиметров на двадцать выше, что делало практически невозможным подобрать на нее что-то из Вариных вещей. Платье было свободным и по-идиотски смотрелось на стройной фигуре. Жаль, что не было вещей Флоренс. При этой мысли Варя вспомнила про сумку, которую автоматически носила везде с собой. Как она раньше не догадалась в нее заглянуть. Может, в блокноте Флоренс она найдет ответы на свои вопросы. Может, она была сектанткой или ведьмой? Варя посмотрела на Лео – тот, казалось, уже спал крепким сном.

Забавно, но за последние сутки Варя привязалась к нему, и даже в некоторой степени стала воспринимать как своего брата.

Подняв кожаную сумочку с пола, она осторожно открыла ее. Варю не покидало чувство, будто она ворует. Хотя, она уже своровала чужое тело, куда уже хуже?

Сумочка оказалась, на редкость, аккуратной внутри. Никаких крошек, завалившихся и прилипших к подкладке сумки конфет – как часто можно было обнаружить в Вариных сумках. Никакой мелочи на дне, и никаких чеков. Всего-навсего блокнот с пристегнутой к нему ручкой в колпачке и внушительных размеров кошелек.

Она сняла резинку с блокнота, и осторожно открыла его, ожидая, что небесная кара обрушится на нее в ту же секунду. Но, поскольку ничего не произошло, она аккуратно перевернула первую страницу.

Почерк у Флоренс был идеальный, как и сама она. Буковка к буковке, взрослый, витиеватый. Варя всегда завидывала обладательницам такого, как она считала, сексуального почерка. Своим она особо похвастаться не могла, особенно учитывая, что писать она могла в зависимости от настроения, тремя разными почерками. Самый аккуратный был кругловатый, без наклона. Таким пишут американские дети. И, казалось бы, у художницы, должна быть поставлена рука. Но, с другой стороны, вы видели письма Ван Гога своему брату? Будь Варя его мамой, она бы его здорово отругала за такие каракули.

Milk Land – среда, 23 августа.

Коровы? Деревня? Дети?

Все это было подчеркнуто жирной линией с обведенной надписью: *скучно, неново.*

Sparkling House – пятница, 25.

Встреча по проекту с Андресом. Принести макет. В стиле 60-х?

Чтобы там ни было, похоже, у красотки с воображением проблемы. Если Milk Land подразумевал рекламу молока, то Варя с ходу могла придумать не менее двух вариантов, которые были гораздо оригинальнее деревенского сюжета. Ну, впрочем, не важно. Она же не для этого заглянула сюда.

На следующей странице были не более понятные надписи. Варя разобрала что-то по поводу встречи для рекламы новой модели Рено, спортивной одежды какой-то непонятной фирмы. И решила пролистать блокнот до последних страниц.

После всех рабочих наметок, текст, написанный несколько нервным и быстрым почерком, выбивался и сам напрашивался на то, чтобы его прочитали. Тем более, что далее шли пустые страницы.

Позвонить Алехандро! – Этот текст был перечеркнут.

Приехать без предупреждения. Только он занят, что делать.

Последнее предложение было некрасиво подчеркнуто резкой линией. Видимо, Флоренс была влюблена в какого-то Алехандро – решила Варя, и сложила блокнот обратно в сумку.

– Нашла что-нибудь интересное? – хриплый голос новоявленного брата Вари слегка напугал ее, застав на месте преступления.

– Я думала ты спишь... Нашла. Твоя сестра была влюблена в Алехандро. Настолько, чтобы полететь в Аргентину – вот тебе и ответ на вопрос, который, ты думал, никогда не найдешь, – с довольным видом опытного сыщика Варя посмотрела на Лео. Жаль только курильной трубки у нее не было для совершенства образа.

– Да ну... – протянул Лео и засмеялся. – Флор на расстояние пушечного выстрела никого к себе не подпускала с тех пор, как в пятнадцать лет пережила бурный роман, кстати, его тоже звали Алехандро, окончившийся тем, что ее дружок бросил ее, чтобы смотать в Боливию учиться каким-то совершенно сумасшедшим наукам. Да-да в пятнадцать, не смотри так на меня. У нас, в Аргентине, девочки рано созревают. Но выходят замуж, как ни странно, позднее некуда. К сорока годам только начинают размышлять, пора ли им обзавестись лялькой. Но как только надумают – то караул! Начинают рожать подряд, пока размер их семьи не достигнет идеального в их представлении, или пока крик в доме не перевалит за допустимые санитарной нормой децибелы. Тогда женщина успокаивается, усаживается дома и уже не выходит оттуда до окончания дней своих. Разве только чтобы попить кофе с подругами и прошвырнуться по однообразным торговым центрам.

– Поэтому ты до сих пор не женился? Сколько тебе лет вообще, Лео? – Варя прищурила один глаз, прикидывая вероятный возраст голубоглазого сногшибательного красавца, который, к ее несчастью, оказался ее братом.

– Тридцать четыре. – Он криво улыбнулся и потер слегка небритый подбородок. – Нет, не поэтому. Видишь ли, я вырос в очень неординарной семье, ну ты знаешь...

Варя красноречиво бросила на него прожигающий взгляд.

– Ладно, если не знаешь, то тебе еще предстоит это узнать, – хихикнул он себе под нос. – Одна наша корова чего стоит.

Варя не стала спрашивать про корову. У нее и без нее было немало неразберихи в голове.

– Вот что я тебе скажу, этот Алехандро, должно быть, какой-нибудь хороший друг или партнер, или кто угодно, только не любовник. Иногда мне кажется, что Флор вообще не интересуется мужчинами. Ну, ты понимаешь меня...

Варя посмотрела на Лео и отвернулась. Эта мысль почему-то ей была неприятна. Она сразу подумала, что в этом теле Флор могла выделять такое, что Варя даже в страшном сне не видела. Ее не покидало ощущение, будто она надела одежду из секондхэнда, и от нее пахнет отголоском чужой жизни.

– Знаешь что, мне плевать на Флор. Мне бы со своими проблемами разобраться. Хотя, кажется, у меня вариантов нет.

– Есть, они всегда есть, пока ты дышишь. А ты дышишь. Ведь именно здесь ты. А не твое тело. Твои мысли, твои принципы, твоя память, и твои чувства. А что такое человек, если не все это в совокупности? Послушай, я понимаю, ты в дерьме. И любой бы на твоем месте уже давно сошел с ума бы, или выбросился в окно. Но не ты, ты сильная, я вижу это в тебе. И, тебе, похоже, неспроста был дан второй шанс. Подумай над этим.

Лео отвернулся и, устроившись на подушке, дал понять, что разговор окончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.